

М. Д. Кузьмина

РУССКИЙ ЕВРОПЕИЗМ А. И. ГЕРЦЕНА

Понятие русского европеизма достаточно прочно вошло в научный обиход благодаря работам В. Г. Шукина, В. К. Кантора, Н. И. Цимбаева, Е. И. Анненковой, Н. В. Володиной, В. М. Марковича, П. Е. Бухаркина и других ученых¹. Оставаясь, в силу объективных причин, не очень четким, оно, тем не менее, базируется на ряде устойчивых признаков, выявленных исследователями. Центральное слово для характеристики русского европеизма найдено В. Г. Шукиным: это умонастроение², — которое, как полагают специалисты, начало складываться в России до появления западничества и даже до петровского времени. Правда, до Петра представители европеизма были единичны, XVIII в. в этом отношении стал эпохой переломной, но особенно ярко европеизм заявил о себе в первой половине XIX в., когда в русском обществе оказались представлены такие его признаки, как европейская образованность, привычка

¹ Шукин В. Г. На заре русского западничества // Вопросы философии. — 1994. — № 7–8. — С. 135–149; Он же. Русское западничество: генезис, сущность, историческая роль. — Łódź, 2001; Он же. Русское западничество сороковых годов XIX века как общественно-литературное явление // Шукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. — М., 2007. — С. 5–154; Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ). — М., 2001; Он же. Феномен русского европейца. — М., 1999; Цимбаев Н. И. Европеизм как категория национального сознания (К пониманию западничества и славянофильства) // Очерки русской культуры XIX века. — Т. 4. Общественная мысль. — М., 2003. — С. 439–456; Анненкова Е. И. Гоголь и Александр Тургенев (к проблеме русского европеизма) // Н. В. Гоголь и его литературное окружение. Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. научн. конф. — М., 2008. — С. 36–46; Володина Н. В. «Русский европеец» в творчестве И. С. Тургенева // Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. — М., 2010. — С. 175–197; Она же. «Русский путешественник» как синоним «русского европейца» («Парижские письма» П. В. Анненкова) // Там же. С. 198–211; Маркович В. М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения. Научные статьи. Воспоминания. — СПб., 1996. — С. 24–42; Бухаркин П. Е. О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (Эраст и проблемы типологии литературного героя) // XVIII век. — Сб. 21. — СПб., 1999. — С. 318–326. См. также: Тиме Г. А. «Русский европеец» — фантом или реальность? // Русская литература. — 2003. — № 1. — С. 246–251.

² Шукин В. Г. Русское западничество: генезис, сущность, историческая роль. — С. 112.

смотреть на мир через призму западной культуры, осознание своей принадлежности одновременно к России и всей Европе, непреложными ценностями стали идея личности, идеал свободы (ценности, традиционно связываемые с Западом) и т. п.

Так понимаемое умонастроение европеизма могло быть присуще не только западникам, но и их противникам. Вопрос об этом справедливо поднимался. Однако европеизм славянофилов, как и западников, в частности герценовский, — недостаточно исследованное явление. В большей степени изучалось умонастроение европеизма, выраженное в путешествиях на Запад. Их авторы так определенно воспринимали Европу как свою духовную родину, что Н. В. Володина один из оформившихся в XIX в. концептов назвала ««русский путешественник» как синоним «русского европейца»»³. Таким образом, умонастроение европеизма, очевидно, следует изучать на двух уровнях: как оно выражается, во-первых, в повседневном пребывании человека в России, во-вторых, во время его встречи с Западом.

Жизнь Герцена, как известно, оказалась поделена на две части: русскую (до 1847 г.) и западную, в каждой из них европеизм глубинно присущ его сознанию и одновременно проблематизирован; на протяжении всей своей жизни писатель занят как бы неизбывными для него размышлениями об отношениях России и Запада, о европеизме всего русского общества и своем собственном. Еще в юношеской статье «Двадцать осьмое января» (1833 г.) Герцен задался вопросом: «...После устремления России к европеизму, в чем и как успела она до нынешнего времени» (I, 30). Окончание этой работы либо не сохранилось, либо не было написано, но означенный вопрос осмысливается как центральный в большинстве сочинений писателя, наиболее полно — в его «главной» книге «Былое и думы».

Воссоздавая в ней свой жизненный путь, автор, осознанно или нет, очень последовательно обосновывает укорененность собственного европеизма. Свою изначальную и многостороннюю причастность одновременно к русской и западной культурам Герцен мотивирует не только личными причинами (русско-европейским происхождением и воспитанием), но и историческими. Общеизвестно, насколько принципиальной была для него идея синтеза личного и сверхличного, общественного бытия. Рассказ о своем рождении в 1812 г. автор «Былого и дум» сопрягает с наполеоновскими событиями, вписывая индивидуальную судьбу в исторический путь России. Начало формирования герценовского европеизма и европеизма всего русского общества оказывается во многом синхронным, ведь, как известно, именно победа над Наполеоном поспособствовала взлету русского национального самосознания, вниманию к России со стороны Запада и ее включению в общеевропейский контекст.

Герцен полагал, что «первая часть петербургского периода закончилась войною 1812 года»⁴. Таким образом, «петербургский период», проходящий, по мысли писателя, под знаком европеизации и охватывающий XVIII и XIX столетия русской жизни, имеет рубежным 1812 год.

³ Володина Н. В. «Русский путешественник» как синоним «русского европейца» («Парижские письма» П. В. Анненкова). — С. 198.

⁴ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. — М., 1956. — Т. 7. — С. 193. В дальнейшем сочинения Герцена цитируются по этому изданию, ссылки даются в тексте статьи в круглых скобках, с указанием римской цифрой номера тома, арабской — страницы.

Не прослеживая в «Былом и думах» генеалогию собственного рода и, соответственно, не вписывая себя в род, в противовес сложившейся в мемуарно-автобиографической литературе традиции, Герцен, как очевидно, с одной стороны, утверждает идею личной свободы и личной ответственности за свою жизнь (идею во многом европейскую), с другой — смещает акцент с истории конкретной семьи на историю России, с истории лиц на историю идей, поскольку немало внимания уделяет характеристике предшествующего периода в жизни страны — XVIII в., главным выразителем которого становится в книге отец автора, И. А. Яковлев, изображенный в главе с концептуальным подзаголовком «Люди восемнадцатого века в России» и представляющий для раннее поколение русских европейцев.

Герцен оценивает европеизм того поколения как поверхностный, искусственно привнесенный в русскую жизнь и не ставший внутренне необходимым личности. Писатель акцентирует в своем отце одиночество и старость. Обе характеристики становятся лейтмотивом его образа, выражая идею исторической обреченности той формы русского европеизма, носителем которой выступает И. А. Яковлев. Напротив, свое поколение, во многом подготовленное отцовским, писатель рисует принципиально «юным», тем самым характеризуя его как живое и многообещающее.

Европеизм Герцена 1830–1840-х гг., периода жизни в России, представлен в книге не внешним по отношению к личности, а, напротив, глубоко в ней укоренившимся. Это проявляется в ее, пожалуй, беспрецедентной погруженности в европейскую культуру и события общественной жизни, в свободном ориентировании в том и другом, в определении собственных предпочтений: Шиллер, Гете, Сен-Симон, Гегель, революция.

Однако «Былого и дум» недостаточно для исследования герценовского европеизма, поскольку книга создавалась после эмиграции ее автора, когда он, как известно, пересмотрел многие из прежних взглядов. Взаимоналожение двух разновременных позиций — характерная особенность «Былого и дум».

Общим местом в герценоведении стало представление о том, что до 1847–1848 гг. (времени прибытия писателя на Запад и разочарования в проходившей там революции) Герцен — западник (хотя и не категорично явленный), а после несколько сближается со славянофилами⁵. Отдельные исследователи справедливо ставили вопрос о неких «константах» в мировоззрении писателя-мыслителя, позволяющих уйти, во-первых, от представления о двух Герценах — до- и послеэмигрантской поры, — во-вторых, от ярлыков «западничество» и «славянофильство», обедняющих герценовское мировоззрение. В частности, К. Г. Исупов резонно заметил: «Важное отличие герценовского общественного идеала от соответствующих построений в славянофильской и западнической идеологиях состоит в том, что Герцен формирует свой идеал не на предпочтениях до- или послепетровского периода, а на исторических “постоянных” отечественного прошлого: община, национальный характер и т. п.»⁶.

⁵ Есть и другие концепции: в частности, В. А. Веселова, анализируя «Былое и думы», видит Герцена периода жизни в России западником, а после эмиграции, она полагает, он прошел путь «...от неопределенного статуса политического изгнанника, оторванного от своей национальной среды, к русскому европейцу и “хронономаду”» (Веселова В. А. Культурный мир западника в мемуарах А. И. Герцена «Былое и думы». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2012. — С. 6).

⁶ Исупов К. Г. «Историческая эстетика» А. И. Герцена // Русская литература. — 1995. — № 2. — С. 28.

М. Малиа, хотя и несколько резко и преувеличенно, писал, что Герцен на протяжении всей своей жизни идет, по сути, по пути постепенного «отторжения Запада»⁷, и это свое суждение исследователь основывает главным образом на действительно принадлежащей писателю начиная с 1830-х гг. идее о борьбе «старого» и «нового» миров. «Та же идея, — утверждает М. Малиа, — возникает в течение всех 1840-х годов. Часто она сопровождается замечанием о возможной «дряхлости» Европы. Герой «Германского путешественника», «утомленный» Европой времени Французской революции, отправляется отдохнуть от нее на Восток, как и женеvский репетитор Бельтова, «негодующий» в Европе»⁸.

Если М. Малиа говорит о неуклонном отдалении Герцена от Западной Европы, начавшемся задолго до эмиграции, то А. А. Кара-Мурза, напротив, уверен, что на протяжении всей жизни писателя «главным критерием его оценок оставался все тот же — наличие в обществе свободы лица»⁹, критерий европейского происхождения, кроме того, по бесспорному утверждению исследователя, Герцен на протяжении всей своей жизни оставался «безусловным европеистом по культуре»¹⁰.

Как нам представляется, А. А. Кара-Мурза, в отличие от М. Малиа, избежал крайностей в суждениях, однако наблюдения обоих ученых по-своему справедливы, кроме того, заслуживает уважения предпринимаемая ими обоими, как и К. Г. Исуповым, попытка найти некие «постоянные» в системе взглядов мыслителя. Эти «постоянные», взятые в самом общем виде, могут быть описаны в категориях времени («старый» и «новый» миры) и пространства (Россия и Запад). Оставаясь константными для герценовского сознания и отличаясь достаточно сложным содержательным наполнением, обе категории в разные периоды жизни мыслителя имели неодинаковую соотношенность друг с другом.

Тема России и Запада в большей или меньшей степени актуализирована практически в каждом из сочинений Герцена 1830–1840-х гг. Суждения писателя в этот период, несмотря на пока ненавязчивую их проблематизацию, на которую, в сущности, указал М. Малиа, отличаются ярко выраженной проевропейской направленностью: Герцен объявляет Запад «преемником древнего мира» (II, 240), «...оживившим нас своею богатой, полной жизнью» (II, 137), и связывает с ним «все прошлое, настоящее и будущее человечество» (II, 240). «...Вместе с ненавистью и пренебрежением к Западу, — утверждает он, — ненависть и пренебрежение к свободе мысли, к праву, ко всем гарантиям, ко всей цивилизации» (там же).

Сохраняя своеобразие, Россия, по Герцену, полноправная часть Европы: «...Явился Петр! <...> выразил собою Европу...», «...выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями» (I, 29–30). В характеристике себя и своих единомышленников писатель рисует, по сути, идеальный образ русского европейца: «...Есть люди, горячо любящие Россию, <...> они, раскрытые многому европейскому, не закрыты и многому отечественному...» (II, 197–198), «...в наш патриотизм входит общечеловеческое и <...> занимает первое место...» (II, 407).

⁷ Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. — М., 2010. — С. 456.

⁸ Там же. С. 455.

⁹ Кара-Мурза А. А. И. Герцен: В поисках русской личности // Вопросы философии. — 2010. — № 12. — С. 88.

¹⁰ Там же.

Отмечая отдельные недостатки Европы, Герцен пользуется местоимением «мы», подчеркивающим, что Россия входит в ее состав. К этим недостаткам мыслитель относит, в частности, лицемерие, которое он видит, бросая не поверхностный, а вдумчивый взгляд на Европу, взгляд изнутри, ведь речь идет о ее «домашней жизни»: «Наука, государство, искусство, промышленность идут, развиваясь во всей Европе стройно, широко <...>. А домашняя жизнь наша слагается кое-как <...>. Наполеон с содроганием говорил о гнусной привычке беспрестанно лгать. Мы лжем на словах, лжем движениями, лжем из учтивости <...> мы узнаем человека благовоспитанного по тому, что никогда не добьешься от него, чтоб он откровенно сказал свое мнение» (II, 75–77).

Но, по Герцену, в процессе европеизации России, столь многостороннем и глубоком, вполне совершившемся, были упущены две очень важные европейские ценности — свобода и гуманность. «...Европеизм в наружности, — замечал мыслитель, — и совершенное отсутствие человечности внутри — таков характер современный, идущий от Петра» (II, 300). В одном из поздних сочинений, «Письмах к путешественнику», Герцен пояснит, возвращаясь к эпохе 1830–1840-х гг.: «Европа представляла все хорошее — свободу, науку, цивилизацию, гуманность; Россия — материальную силу, бесправие, крепостное состояние, Сибирь, рудники, кнут» (XVIII, 377). Однако, упустив свободу на общероссийском, государственном уровне, русские, по мысли писателя, в высшей степени обладают ею на уровне личностей. Не случайно именно им уделяется первостепенное внимание в «Былом и думах», и особенно индивидуализированно изображены впитавшие в себя европейский дух западники, в том числе сам Герцен 1840-х гг. Рисуя себя и своих друзей принципиально юными, свободомыслящими, неповторимыми, живыми (так что Я. Е. Эльсберг даже заметил: «...В “Былом и думах” живут поэтизированные люди 40-х годов, как будто все еще что-то обещающие...»¹¹), писатель, очевидно, стремился показать историческую перспективность и оправданность проевропейских настроений тех лет.

Уже тогда он не все положительно оценивал в прошлом Запада (впрочем, как и в российском), но полагал, что, во-первых, Россия абсолютно не причастна к этой части европейского наследства, во-вторых, сами западные народы «...не коченеют в объятиях трупов, хотя бы это были трупы их отцов <...> они с похорон возвращаются полными свежих сил <...> и, вечно юные между могил, <...> они строят из их развалин новые приюты жизни» (II, 170). Герцен 1840-х гг. убежден в способности Запада к сохранению юности и к развитию. Нетрудно заметить, что облик Европы, каким он виделся писателю в те годы, и созданные им портреты русских европейцев тех лет друг другу полностью соответствуют.

Уповая на великое будущее России, Герцен в 1840-е уповает и на не менее великое будущее Запада, он считает цели России и Европы едиными и, желая преодолеть любую ограниченность, односторонность, в том числе национальную (это его главная претензия к «славяноманам» — II, 197), устремляется на просторы всей Европы: «...мы вступаем в общение с Европой не во имя ее частных и прошедших интересов, а во имя великой общечеловеческой среды, к которой стремится она и мы; наше сочувствие есть, собственно, предчувствие грядущего, которое равно распушит в себе все исключительное, романо-германское ли или славянское оно» (II, 126).

Идеалы и цели Герцена останутся теми же после эмиграции, но, ближе познакомившись с Западной Европой, он начнет сомневаться в том, что она способна освободиться от бремени собственного прошлого и продолжить развитие.

¹¹ Эльсберг Ж. (Я. Е.). А. И. Герцен и «Былое и думы». — М., 1930. — С. 171.

Прибыв на Запад как на свою духовную родину, Герцен, подобно другим русским европейцам XIX в., при первой встрече радуется, что узнает его: «В *Париже* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений, полужирный шрифт наш. — М. К.), — замечает автор «Былого и дум», — едва ли в этом слове звучало для меня меньше, чем в слове «Москва». Об этой минуте я мечтал с детства. <...> Вот rue St.-Honore, Елисейские Поля — все эти имена, сроднившиеся с давних лет...» (X, 16–17). Герцен вписывает свое «путешествие» на Запад в широкий контекст русско-европейской традиции, апеллируя к именам Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, Ф. Н. Глинки, А. Гумбольдта, Дж. Кука, Ж. Дюмон д'Юрвиля и др. (V, 16). Причем важно это принципиальное неразличение русской и западной традиций, в которые писатель включается совершенно равноправно. Не менее любопытно, что в отличие от многих своих соотечественников — предшественников и современников — он уже не видит необходимости и не испытывает желания описывать Европу: он, очевидно, ориентируется на восприятие собственных книг русскими европейцами, так же хорошо, как и он сам, знакомых с ней.

Однако уже в 1847 г., до не удовлетворившей его революции, Герцен начинает понимать, что узнает Европу скорее внешне, а ее внутренний облик обманывает его ожидания, отсюда его представление об «артистичности» европейцев, прежде всего французов, которые ввели в заблуждение герценовских сверстников в 1830–1840-е гг. Их «юностью» автор «Былого и дум» объясняет то, что они ошиблись. Центральными понятиями для описания Европы в послеэмигрантских сочинениях писателя станут духота, болезнь, старость, смерть, центральной темой — гибнущий Запад.

Писатель приходит к выводу, что, внешне свободный, человек Запада внутренне поработен, и эта ситуация, в герценовском понимании, фатальнее, чем сложившаяся в России, где, напротив, имеет место лишь внешний гнет — при огромной внутренней свободе, широте чувств и мыслей русских «юношей». Именно с «юной» Россией, не наследующей «больному», «старому» Западу, писатель естественно связывает теперь свои надежды на будущее обновление мира. Но положение самих русских «юношей» (в том числе свое собственное) писатель осмысляет как трагическое, потому что оно бесприютное: «Русский беднее бедуина, беднее еврея <...>. Оторванный от народного быта во имя европеизма, оторванный от Европы душным самовластием, он <...> идет в Европу, т. е. домой, возвращается... и находит то, что нашел бы в IV, V столетии какой-нибудь острогот, начитавшийся Св. Августина и пришедший в Рим искать весь Господню. <...> он представляет к учету, как вексель, писанные теории, которым он верил на слово, — над ним смеются, и он с ужасом догадывается о несостоятельности должников» (V, 220–221). «Ужасаясь» реальному облику Европы, Герцен стремится отречься от нее, он именует ее в этот период не матерью, а лишь «воспитательным домом» (V, 222), тем самым объявляя собственную связь с ней не кровной и освобождая себя от подлинной любви и благодарности к ней.

Герцен позиционирует себя русским, иностранцем, «варваром» (V, 219), путешественником, зрителем, «посторонним» (XI, 53). Однако, как это ни парадоксально, если в 1840-е гг., исповедуя проевропейские взгляды, мыслитель объявлял русского фактически беспристрастным зрителем западной истории, противопоставляя его «западному человеку», для которого «былое Европы <...> еще живо» и который поэтому не может обладать «спокойствием судии» (II, 124), то после эмиграции Герцен, напротив, признается: «...русский посторонний, но <...> вместе с тем и *свой*. Посторонний смотрит на особенности страны с любопытством, отмечает их с равнодушием чужого;

<...> так смотрит европеец на Китай. Русский, напротив, страстный зритель, он оскорблен в своей любви, в своем уповании, он чувствует, что обманулся, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые от избытка любви и доверия» (V, 220).

В поздних сочинениях писателя хотя и редко, но встречаются признания даже в том, что все его попытки отречься от собственного европеизма и освободиться от Запада бесполезны: «*Кто может* совлечь с себя старого европейского Адама и переродиться в нового Ионатана, тот пусть едет с первым пароходом куда-нибудь в Висконсин или Канзас — там, наверное, ему будет лучше, чем в европейском разложении. Те, которые *не могут*, те останутся доживать свой век, как образчики прекрасного сна, которым дремало человечество. Они слишком жили фантазией и идеалами, чтоб войти в разумный американский возраст. Большой беды в этом нет: нас немного, и мы скоро вымерем!» (X, 121).

Не желая любить Европу, Герцен не может изжить это чувство, у него не получается оставаться не только беспристрастным зрителем, но и вообще зрителем европейской жизни. Хотя поздние книги писателя и обнаруживают стремление автора рисовать свое пребывание в Европе как принципиально продолжающееся путешествие, уже не на Запад, а по Западу, призванное дистанцировать Герцена от изображаемой им европейской действительности, в каждом из этих сочинений жанровые рамки путевых записок размываются, и оказывается, что герценовское «путешествие» незаметно и независимо от авторской интенции всякий раз претворяется в его жизнь на Западе.

Органическая включенность писателя в европейское бытие достигается благодаря его глубочайшей погруженности в культуру и общественную жизнь Европы, благодаря постоянной апелляции одновременно к русским и западноевропейским именам и реалиям, умению не столько восхищаться Западом, смотря на него снизу вверх, сколько состоять с ним в диалоге «на равных», понимая «собеседника» вполне и с полуслова; благодаря, наконец, признанию Герцена европейцем самими европейцами.

Как известно, в 1867 г. его пригласили на международный конгресс Лиги мира и свободы, причем «...не в качестве русского», а «в глубоком убеждении», что он «меньше всего русский», с чем он, по его собственному признанию, «...не мог, не хотел, не должен был соглашаться»¹². Эта приверженность к родине, как это ни удивительно, на самом деле тоже изобличает в нем русского европейца, гордящегося собственной национальной принадлежностью, которая не вызывает у него смущения и не нуждается в оправдании, поскольку, по его убеждению, ни в чем не уступает другим европейским национальностям. Разочаровавшись в Западе, Герцен, тем не менее, ставит перед собой цель познакомиться с ним Россию, т. е. ввести Россию в Европу. Позднее суждение писателя очень напоминает те, которые он высказывал в 1840-е гг.: «...исключительный патриотизм первый должен быть перечислен из добродетелей в пороки при переходе в новый мир» (V, 211–212).

Думается, еще более важно то, что писатель после эмиграции продолжает выступать обладателем европейских качеств и ценностей, утраченных, по его убеждению, умирающим Западом, но сохраняемых как бы в чистом, совершенном виде им самим, русским европейцем. В. К. Кантор справедливо писал о том, что Герцену была присуща «всепоглощающая вера в личность»¹³. По сути, именно свою личность он и противополо-

¹² См.: Перкаль М. К. А. И. Герцен и конгресс Лиги мира и свободы в 1867 году // А. И. Герцен. Исследования и материалы. Сб. научн. трудов. — Л., 1974. — С. 44–62.

¹³ Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ). — С. 329.

ставляет «омещанившейся», обезличенной, потерявшей себя Европе, в своей личности он пытается обрести опору. Рисуя в поздних сочинениях ситуацию предгрозовой «духоты», которая, вопреки ожиданиям, так и не облегчается наступлением «грозы» на Западе — настоящей революции, о которой Герцен мечтал, — писатель показывает, что «гроза» произошла лишь в его жизни, как ни трагичен этот диссонанс с европейским пространством: Герцену одному пришлось пережить тяжелые потрясения, связанные как с семейными драмами, так и с разочарованием в Западе.

Еще одна подлинно европейская ценность, в высшей степени сохраняемая писателем, — свобода: свобода мысли, слова, деяния, — ради которой он, по его собственному признанию, и оставался на Западе: там ею можно было в полной мере обладать, естественно, при желании, обнаруживаемом им, русским европейцем, но не разделяемом, как ему казалось, большинством современных ему западных европейцев. Эти и другие ценности, издавна привитые Герцену и его соотечественникам Европой, впоследствии ею самой утраченные, а русскими европейцами сберегаемые, очевидно, по его мысли, не в последнюю очередь стали залогом великого будущего России, призванной спасти мир.

Писатель-мыслитель продемонстрировал едва ли не высшую форму русского европеизма, с одной стороны, напряженно рефлекслируемого своим носителем (как в личном плане, так и в масштабе общенациональном), с другой — явленного непроизвольно и даже вопреки желаниям. Герцена-европейца близко к истине охарактеризовал Н. Н. Страхов, сказавший, что он «...был западный человек, который слился всею душою с западною жизнью, вполне и до конца жил идеями этой жизни»¹⁴.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова Е. И. Гоголь и Александр Тургенев (к проблеме русского европеизма) // Н. В. Гоголь и его литературное окружение. Восьмые Гоголевские чтения: Сб. докл. Междунар. научн. конф. — М., 2008. — С. 36–46.
2. Бухаркин П. Е. О «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (Эраст и проблемы типологии литературного героя) // XVIII век. — Сб. 21. — СПб., 1999. — С. 318–326.
3. Веселова В. А. Культурный мир западника в мемуарах А. И. Герцена «Былое и думы». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2012.
4. Володина Н. В. «Русский европеец» в творчестве И. С. Тургенева // Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. — М., 2010. — С. 175–197.
5. Володина Н. В. «Русский путешественник» как синоним «русского европейца» («Парижские письма» П. В. Анненкова) // Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. — М., 2010. — С. 198–211.
6. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. — М., 1956. — Т. 7.
7. Исупов К. Г. «Историческая эстетика» А. И. Герцена // Русская литература. — 1995. — № 2.
8. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры (Философско-исторический анализ). — М., 2001.
9. Кантор В. К. Феномен русского европейца. — М., 1999.

¹⁴ Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки: В 3 т. — СПб., 1882. — Т. 1. — С. 51.

10. Кара-Мурза А. А. А. И. Герцен: В поисках русской личности // Вопросы философии. — 2010. — № 12.
11. Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855 / Пер. с англ. А. Павлова, Д. Узланера. — М., 2010.
12. Маркович В. М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения. Научные статьи. Воспоминания. — СПб., 1996. — С. 24–42.
13. Перкаль М. К. А. И. Герцен и конгресс Лиги мира и свободы в 1867 году // А. И. Герцен. Исследования и материалы. Сб. научн. трудов. — Л., 1974. — С. 44–62.
14. Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки: В 3 т. — СПб., 1882. — Т. 1.
15. Тиме Г. А. «Русский европеец» — фантом или реальность? // Русская литература. — 2003. — № 1. — С. 246–251.
16. Цимбаев Н. И. Европеизм как категория национального сознания (К пониманию западничества и славянофильства) // Очерки русской культуры XIX века. — Т. 4. Общественная мысль. — М., 2003. — С. 439–456.
17. Щукин В. Г. На заре русского западничества // Вопросы философии. — 1994. — № 7–8. — С. 135–149.
18. Щукин В. Г. Русское западничество сороковых годов XIX века как общественно-литературное явление // Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. — М., 2007. — С. 5–154.
19. Щукин В. Г. Русское западничество: генезис, сущность, историческая роль. — Łódź, 2001.
20. Эльсберг Ж. (Я. Е.). А. И. Герцен и «Былое и думы». — М., 1930.